

Современные тенденции детности семьи и цели семейно-демографической политики

УДК 314.6+314.3

В статье анализируются тренды и причины сокращения рождаемости в межпереписной период 2002–2010 гг., а также временное увеличение в 2007–2014 гг. суммарного коэффициента рождаемости с 1,3 до 1,7 ребенка на одну женщину за счет улучшения условий реализации имеющейся потребности семьи в основном в двух детях благодаря увеличению пособий на детей и введению материнского капитала. Обсуждаются цели и средства активизации семейно-демографической политики государства в связи с предстоящим в 2015–2025 гг. сокращением репродуктивных когорт 18–34 лет и продолжающимся ослаблением потребности семьи в детях, снижением репродуктивных установок личности.

Ключевые слова

Сокращение рождаемости, ослабление потребности семьи в детях, снижение репродуктивных установок, активизация семейно-демографической политики, профессиональное материнство.

Автор

Антонов Анатолий Иванович — заведующий кафедрой социологии семьи и демографии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор.

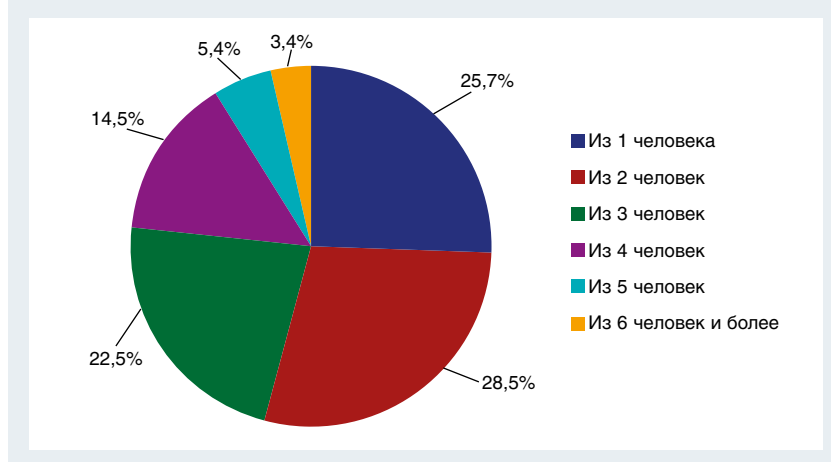
По первым итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. видно, что негативные тенденции институциональных изменений семьи сохраняются. Уменьшилось на 1 млн число супружеских пар (в 2002 г. — 34 млн), при этом среди населения в возрасте 16 лет и старше число состоящих в браке сократилось с 67,9 млн в 2002 г. до 66,5 млн в 2010 г. Доля состоящих в незарегистрированном браке увеличилась с 9,7 до 13% (4,4 млн пар). Также уменьшился средний размер домохозяйств — с 2,7 до 2,6 чел. за счет уменьшения домохозяйств, состоящих из трех и более человек; при этом более половины всех частных домохозяйств состоят из одного и двух человек.

Данные табл. 1 показывают, что сокращение рождаемости в межпереписной период произошло за счет снижения рождений третьей, четвертой, пятой и более очередностей, а увеличение доли рождений первых и вторых детей не смогло перекрыть отмеченное сокращение доли третьих и более по порядку рождений.

В межпереписной период на 15% увеличилось число домохозяйств, не имеющих детей до 18 лет, и на 8% снизилось число домохозяйств, состоящих из двух и более человек и имеющих детей до 18 лет (рис. 1, 2). Среднее число рожденных на 1000 женщин в возрасте 15 лет и старше сократилось с 1513 в 2002 г. до 1469. Таким образом, временное увеличение коэффициентов рождаемости в 2007–2010 гг. не повлияло на общую тенденцию сокращения рождаемости в первой декаде XXI столетия. В связи с этим на 3,2 млн сократилось население моложе трудоспособного возраста и на 1,9 млн увеличилось население старше трудоспособного возраста. В стране сохраняется убыль населения, которая в предстоящие 10–15 лет вновь начнет уве-

Рисунок 1

Число и размер домохозяйств* по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

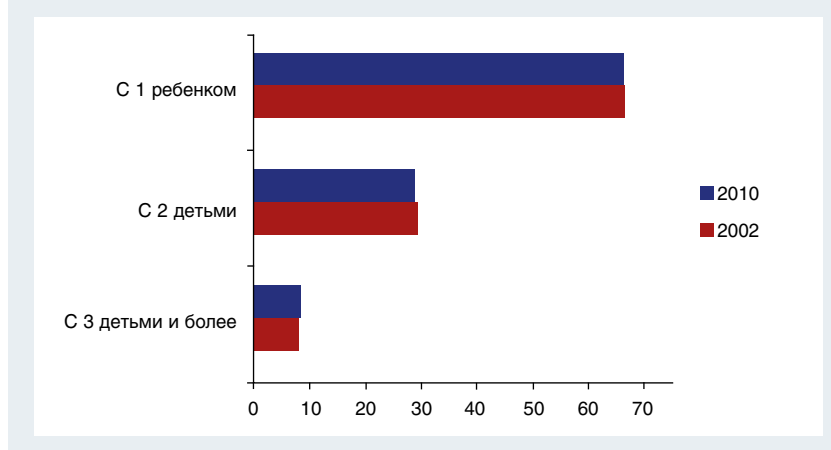

* Средний размер домохозяйства — 2,6 чел.

По данным Росстата

Рисунок 2

Изменение детности домохозяйств в межпереписной период 2002–2010 гг.

По данным Росстата

Таблица 1

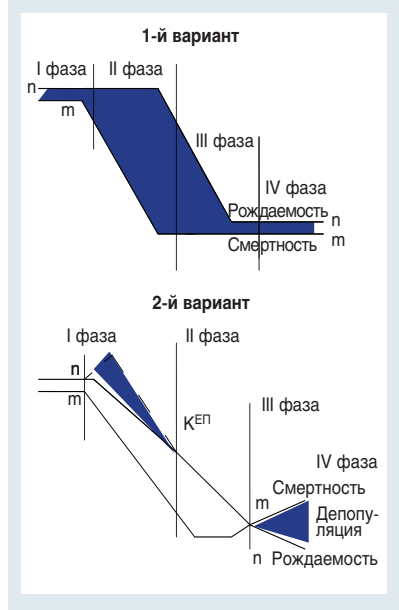
Рождаемость у женщин в возрасте 15 лет и более

Показатель	Млн чел.		2010 г. в % к 2002 г.	В % к итогу	
	2002 г.	2010 г.		2002 г.	2010 г.
Все женщины в возрасте 15 лет и более, ответившие на вопрос о рождаемости	62,9	62,4	99,3	100	100
Из них указали число рожденных детей:					
1	19,2	19,4	101,4	30,5	31,2
2	21,2	21,5	101,5	33,7	34,4
3	5,6	5,5	97,5	8,9	8,7
4	1,6	1,4	87,1	2,5	2,2
5 и более	1,7	1,2	72,3	2,7	2,0
Не родили ни одного ребенка	13,6	13,4	98,4	21,7	21,5

По данным Росстата

Рисунок 3

Схема демографической трансформации от роста к убыли населения

личиваться, если не будут приняты меры по усилению репродуктивной мотивации, повышению репродуктивных установок и потребности в детях, по увеличению ценности семьи и детей в обществе.

Институт семьи продолжает изменяться, причем очевидно вовсе не пассивная роль семейных изменений в наблюдаемых социальных процессах. Функциональные и структурные изменения семьи не являются следствием приспособления к соответствующим изменениям социума. Они сами участвуют в потоке преобразований, представляя собой составную часть общественных инноваций. При этом следует различать спонтанную сторону институциональной активности семьи и целерациональную сторону деятельности общества по проведению семейно-демографической политики.

Следует подчеркнуть, что здесь говорится не о семейной, а о семейно-демографической политике, направленной на эффективное выполнение специфических функций по рождению

нескольких детей в семье и их семейной социализации. Семейно-демографическая политика не сводится к социальной политике помощи бедным слоям населения и к семейной политике, обычно ориентируемой на защиту прав членов семьи и на обеспечение равенства женщин с мужчинами, младших по возрасту со старшими, прав старых людей и пенсионеров, инвалидов и лиц с ограниченными возможностями. Поскольку происходящие изменения семейного образа жизни оцениваются негативно по имеющимся в науке критериям, то соответственно цели семейно-демографической политики направлены на ослабление и устранение негативных тенденций.

Нынешние изменения института семьи и рождаемости в нашей стране и в других развитых странах мира являются продолжением и логическим завершением глобальных тенденций, за-

необратимости тех процессов, которые связаны с кризисом институциональных функций семьи и особенно тех процессов, которые в фамилистической парадигме названы «перехватом семейных функций» государственными институтами образования, воспитания, социального обеспечения и др. [2].

Переход от аграрной семейной экономики, где рождение нескольких детей в расширенной семье было залогом эффективности крестьянского домохозяйства и гарантом обеспеченной старости, к стоимостной экономике, вытягивающей из семьи ради прибыли мужскую и женскую рабочую силу, элиминирует экономическую мотивацию рождения нескольких детей и тем самым — экономические стимулы воспроизводства населения [3] (рис. 3).

К середине XX столетия во всех развитых странах мира, во всех классах и стратах общества по-

В стране сохраняется убыль населения, которая начнет увеличиваться, если не будут приняты меры по усилению репродуктивной мотивации, увеличению ценности семьи и детей в обществе.

явивших о себе в полной мере во второй половине XX столетия и сложившихся в рамках рыночного капитализма на рубеже XIX–XX вв. под влиянием индустриализации, урбанизации, научно-технических достижений в медицине и здравоохранении, жилищном строительстве и транспорте и в целом под влиянием модернизации всех сфер жизнедеятельности [1]. Все эти изменения рукотворны, они итог исторической деятельности миллионов людей, государства, социальных институтов, планируемых и неконтролируемых воздействий. Именно поэтому нельзя говорить о якобы

всемерно распространилась массовая одно-двуухдетность семьи. В настоящее время 40% населения мира является малолетним (76 стран из 196), по прогнозам ООН 2008 г., к середине XXI в. в мире не останется ни одной страны, где число детей в семье будет больше двух (средний вариант прогноза, февраль 2009 г.). При этом XXII век может стать веком тотальной депопуляции, когда человечество вновь вернется к 2–3-миллиардной численности. Чем шире будет распространяться *однодетность семьи* (подчеркнем это особо — не бездетность, а именно *однодетность*), тем

стремительнее будет разворачиваться *депопуляция*, ибо система семьи с единственным ребенком уменьшает исходную численность населения через каждые 25 лет ровно наполовину.

Сегодня в семейной структуре населения большинства малодетных стран однодетность составляет свыше 60%, при этом в среднем на одну женщину репродуктивного периода жизни приходится 1,5 ребенка, что означает с демографической точки зрения убыль половины населения через 50 лет. Таков итог спонтанного принятия решений в брачно-семейной сфере — в малодетных странах все меньше семейного населения и все больше людей, не состоящих в легитимном браке и не имеющих хотя бы двух детей. Другими словами, население становится все менее семейным, и все менее заинтересованным в повышении рождаемости и устранении угрозы депопуляции. Отсюда центральной проблемой просемейной политики становится фактический внесемейный настрой населения, его безразличие по отношению к фамилистическим и наталистическим призывам инициаторов стимулирующей рождаемость политики государства.

Рыночная экономика, ориентированная на поголовную занятость женщин во внесемейном производстве, на ликвидацию класса домашних хозяек и на двухзарплатную семью, является основной причиной снижения легитимной брачности и рождаемости, роста сожительства пар и разводов [3, с. 139–146; 4]. В современной экономической теории намеренно замалчивается тот факт, что на уровне взаимодействия двух институтов — государства и семьи — сохраняются феодальные отношения, исключаящие эквивалентный рыночный обмен. Продукт семейного производства, «изготовленный» по рыночным ценам (новая ра-

бочая сила), безвозмездно присваивается всеми экономическими, политическими и социальными институтами, интересы которых обслуживает современное вовсе не просемейное государство. Вклад семьи и государства в создание новых поколений трудоспособных ресурсов несопоставим. Семья здесь вне конкуренции, а государство (все его современные разновидности без исключения) фактически эксплуатирует семью как единственный источник возобновления населения и социализации детей и подростков.

Три модели современной семейной политики различают Г. Эспинг-Андерсен и Я. ван ден Бринк: либеральная модель минимального вмешательства государства в семейные и рыночные отношения (англосаксонские страны); социально-демократическая, или эгалитарная, модель (скандинавские страны) и традиционная, или правоконсервативная, модель (признание христианских ценностей в условиях свободного рынка) (Германия, Франция и отчасти Нидерланды) [5]. Следует согласиться с американским фамилистом А. Карлсоном, что все эти типы и виды семейной политики со-

храняют суть, связанную с подчинением института семьи социальному государству, которое исторически сложилось как заменитель семьи. Везде в мире государство велфера неустойчиво и подвержено кризисам, национальные правительства увеличивают государственные долги, обостряются проблемы пенсионного и медицинского страхования, накапливаются финансовые противоречия, которые ведут к экономическим, политическим и социальным потрясениям. Хронический кризис социального и экономического устройства жизни, современного капитализма ведет к упадку и краху расширенной и нуклеарной семьи, сталкивается с последствиями этих процессов в виде депопуляции, постарения населения и миграционных перемещений [3, с. 247–255].

Все это требует пересмотра социально-экономического строя общества, экономической деятельности, разработки новых социально-политических приоритетов, сфокусированных на семейном образе жизни и семейной социализации детей. В связи с этим перед наукой встает задача осмысления исторических уроков антисемейной экономи-

ки и антисемейной организации жизни. Поскольку кризисное состояние социального государства «всеобщего благоденствия» чревато социальными потрясениями для многих миллионов людей, целесообразно стремиться к смягчению грядущих катаклизмов за счет упрочения семейно-детного образа жизни и автономии семьи, укрепления основ сильной семьи, возвращающей себе ряд перехваченных государством функций. Следует сосредоточить усилия на сокра-

лицо неравенство ценностных приоритетов и в индивидуальном самосознании, и в общественном мнении. Да и в самой науке, в среде ученых — представителей социальных дисциплин — роль научных исследований семьи ничтожна на фоне, пусть и незначительного, финансирования гуманитариев. На периферии интересов вузовского образования находится и преподавание фамилистических наук; здесь самый яркий пример своеобразного обскурантизма —

работниц, косвенным образом содействует снижению ценности материнства и семейного образа жизни в целом.

Однако негативные процессы не фатальны, кризисные тенденции семьи можно изменить, но лишь при условии проведения обществом исторически беспрецедентной политики укрепления семьи с детьми. Без повышения потребности семьи в детях, ценности семейно-детного материнства и родительства невозможно добиться устранения *депопуляции* (убыли населения) и достижения *простого* воспроизводства населения (когда население не уменьшается и не увеличивается) посредством увеличения в семейной структуре населения полных семей с тремя-четырьмя детьми, сокращения числа разводов, абортот и сожительства.

**Чем шире будет распространяться
однородность семьи, тем стремительнее
будет депопуляция, ибо система семьи
с единственным ребенком уменьшает
исходную численность населения через
каждые 25 лет ровно наполовину.**

щению зоны вмешательства государства в семью под предлогом защиты прав членов семьи, женщин, детей — вся эта фразеология служит разобщению семейного единства и возбуждению агрессивности одних членов семьи против других.

Научно установленный факт потери привлекательности семейно-детного образа жизни в сравнении с одиночно-холостяцким существованием, когда в каждом новом поколении привлекательность для личности семейности, брака, воспитания нескольких детей снижается, **заставляет задуматься о семейном образе жизни подрастающих поколений**, о незаменимости опыта воспитания детей и подростков именно в семьях, а не в разного рода детских учреждениях дошкольного и школьного типа. Это с одной стороны.

С другой стороны, «привлекательность» семьи низка и для государства, для всех социальных институтов, поскольку зона автономии семьи как суверенного института ничтожна. Тут на-

отсутствие в депопулирующей с 1992 г. стране факультетов демографии и семейно-демографической политики.

Невыполнение воспитательной функции семьи в связи со снижением качества семейности и семейного образа жизни в условиях кризиса семьи связано с ростом отклоняющегося поведения среди подрастающих поколений, с неэффективностью семейной социализации из-за расширения зоны внесемейного воспитания и содержания детей. В свою очередь негативные факты нахождения детей в кризисной семье служат расширению практики вмешательства государства в частную жизнь семьи. Такое вмешательство в конечном счете снижает автономию семьи как социального института. Социальное государство, выражая прежде всего экономические интересы внесемейного сегмента рыночного капитализма, увы, не способствует социокультурному укреплению семьи как таковой и, предпринимая меры по охране внесемейного труда женщин-

Именно эта цель — впервые за годы существования постсоветской России — указана в Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина (декабрь 2012 г.), где говорится, что *полная семья с тремя детьми должна стать нормой* семейного образа жизни. Достижение данной

цели требует особых усилий по формированию среди молодежи, а также детей и подростков ценностных ориентаций на семейный образ жизни. Необходимы специальные исследования возможности изменения семейных и репродуктивных убеждений среди людей, уже состоящих в браке, поскольку в предстоящие 10–15 лет неизбежно падение рождаемости в связи с уменьшением численности репродуктивных контингентов 20–35 лет и продолжающимся ослаблением потребности в детях среди новых поколений. Следует подчеркнуть, что наблюдающийся рост коэффициентов рождаемости в 2007–2013 гг. является временным, так как обусловлен не усилением самой потребности личности и семьи в детях, а одновременной реализацией потребности во втором ребенке сразу в нескольких возрастных когортах (рис. 4, 5).

Материнский капитал при этом не повысил потребность в детях, а лишь ускорил реализацию потребности в одном-двух детях среди разных возрастных групп. Тем не менее его отмена в нынешних условиях была бы ошибкой.

Рисунок 4

Динамика суммарного и возрастных коэффициентов рождаемости по городу и селу в 1958–2012 гг. в России по возрастным когортам [6]

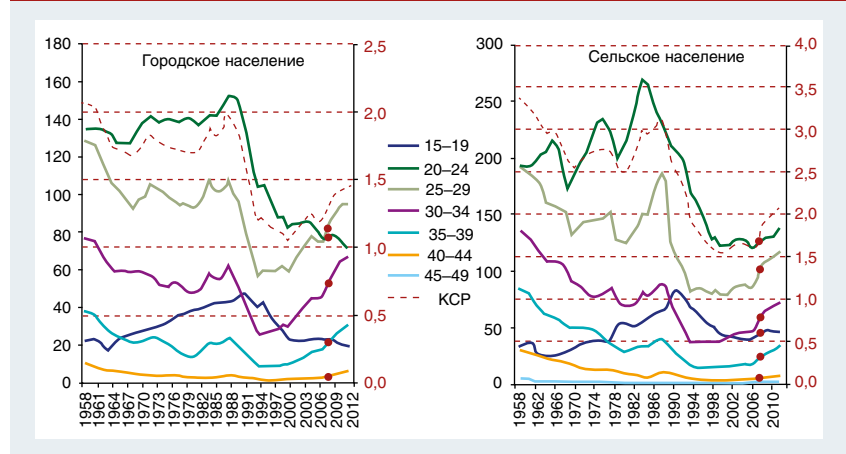
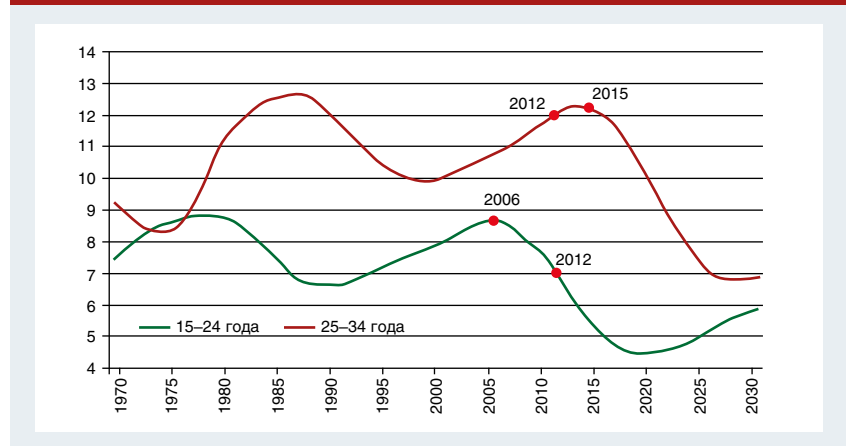

Рисунок 5

Расчетное снижение численности (млн чел.) когорт 25–34 лет после 2015 г. и 18–24 лет после 2006 г.

Семейно-демографическая политика должна строиться **на основе поощрения**, а не принуждения, создания для населения всех необходимых условий (не только материальных, но и социально-нравственных), обеспечивающих **свободный выбор** разных моделей семьи и семейно-детного родительства. Задача государства заключается в том, чтобы способствовать (в том числе средствами массовой коммуникации и искусства) приоритетному выбору населением тех семейных форм жизни, которые отвечают интересам нации по воспроизводству населения и полноценной социализации новых поколений.

В заключение надо сказать, что новая семейно-демографическая политика ДНК (доходов — налогов — кредитов) должна быть направлена на обеспечение реального выбора между разными моделями семьи: между нынешней малодетностью (1–2 ребенка), проектируемой в программах среднететностью (3–4 ребенка) и многодетностью (пять и более детей). Главная цель проектируемой политики ДНК (начиная с 2014 г.) — укрепление полной семьи с тремя детьми (распространение до 50% таковых в семейной структуре к 2045 г.) в противовес преобладающей ныне малодетной и многоразводной семье (94% всех семей).

Проектируемая политика ДНК включает:

- 1) формирование приоритетных ценностей семейного образа жизни среди детей и подростков в рамках существующих систем образования и воспитания, а также с помощью СМИ, ТВ, кино, литературы и искусства (в том числе рост репродуктивных ориентаций и формирование потребности в трех детях);
- 2) увеличение доходов семей с тремя и более детьми среди работающих по найму родителей за счет снижения налогов и выплат по кредитам, введения среднероссийской зарплаты за профессиональное материнство (мать — воспитательница семейного детсада и учительница семейной школы);
- 3) предоставление кредита молодой семье для приобретения дома с земельным участком или квартиры, причем с рождением третьего и четвертого ребенка погашается соответственно половина и две трети кредитной суммы.

Проектируемая политика ДНК осуществляется в целях усиления семейной потребности в детях и дополняет существующую с 2007 г. государственную политику материнского капитала и пособий на детей (эти меры лишь способствуют улучшению

условий реализации уже имеющейся потребности в основном в двух детях среди брачных когорт 2011–2025 гг., но не повышают саму потребность).

Социальное государство, предпринимая меры по охране внесемейного труда женщин-работниц, косвенным образом содействует снижению ценности материнства и семейного образа жизни в целом.

В рамках проектируемой политики ДНК одной из важнейших задач является конструирование новой привлекательной для людей модели семьи в духе тоффлеровского семейного домохозяйства, базирующегося на компьютерной технологии и на интернет-сетевой коммуникации. Полифункциональность новой семьи позволит соединить труд родителей и детей в рамках совместного семейного производства и образования [7, 8]. Домашне-семейное образование и обучение детей самими родителями — новыми учителями — позволит серьезно продвинуться в направлении воссоздания семьи как совместной жизнедеятельности родителей и детей, нуждающихся друг в друге на

всем протяжении семейного цикла жизни. На основе сообщества семейно-родственных домохозяйств, обеспечивающих воспроизводство населения и пол-

ноценную социализацию новых поколений, естественно возникает гражданское общество семейно-детских общностей и дополняющее его государство ограниченных возможностей.

Отказ от перефокусировки общества на семьецентризм как фундамент гуманизма приведет не только к ценностному вырождению и демографическому вымиранию отдельных наций, но и к дальнейшему хаосу общественно-экономической жизни, обусловленному активизацией реликтов радикально-либеральных и экстремистских деклараций. ■

ПЭС 14083/01.07.2014

Литература

1. Клупт М.А. Демография регионов Земли. СПб., 2008.
2. Социология семьи. 2-е изд. / Под ред. А.И. Антонова. М., 2010. Гл. 15, 17.
3. Карлсон А. Общество — семья — личность. М., 2003. С. 100–121.
4. Карлсон А. Шведский эксперимент в демографической политике. М.: ИРИСЭН, 2009.
5. Бринк Я. ван ден. Правительство и семья: влияние или вмешательство? М., 2009.
6. www.demoscope.ru/weekly/2013/563.
7. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2002. С. 354–367.
8. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М., 2000.

